

На правах рукописи

Панкова Екатерина Сергеевна

**ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ КАК ПОСТМОДЕРНЫЙ ТИП СООТНОШЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК И СУБЪЕКТА**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Казань – 2017

Работа выполнена на кафедре социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: **Лебедев Алексей Борисович**
доктор философских наук, профессор
кафедры социальной философии ФГАОУ
ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Официальные оппоненты: **Миннуллина Элина Борисовна**
доктор философских наук, профессор
кафедры философии и медиакоммуникаций
ФГБОУ ВО «Казанский государственный
энергетический университет»

Аникин Даниил Александрович
кандидат философских наук, доцент
кафедры теоретической и социальной
философии ФГБОУ ВО «Саратовский
национальный исследовательский
государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится «21» сентября 2017 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.33 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: 420008, Россия, РТ, г. Казань, ул. Кремлевская 35, ауд.1607.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Сведения о защите, автореферат и диссертация размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ: <http://vak.ed.gov.ru> и ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: <http://www.kpfu.ru>.

Автореферат разослан «___»_____2017

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

 Г.К.Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема роли человека в истории и обществе, проблема его умения и способности быть творцом и актором собственной жизни, вопросы, касающиеся антинормативного понимания сущности и природы человека, были и остаются значимы для социальной философии.

Многие философы пытались внести ясность в понимание этих проблем, разрабатывая такую философскую категорию, как субъект. Как предмет философского осмысления проблема субъекта рождается в нововременной философии Р. Декарта и активно продолжает развиваться в рамках «картезианской парадигмы» в субстанциализме Б. Спинозы, монадологии Г. Лейбница, трансцендентальном субъекте И. Канта и «несчастном сознании» Г. Гегеля. С тех пор и по сей день философия субъекта является мощной интеллектуальной традицией западной мысли, нашедшей свое отражение во всей неклассической философии – начиная с работ К. Маркса, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и З. Фрейда и заканчивая представителями экзистенциализма, феноменологии, франкфуртской школы, структурализма, постструктурализма и неофрейдизма.

В настоящее время интерес к проблеме субъекта обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, он связан с так называемым кризисом субъектности. В период информационной и экономической нестабильности, в период, который многие авторы именуют эпохой информационного и постиндустриального общества, эпохой постмодерна, для человека становится особенно сложно реализовать себя, найти свое место в жизни, получить ответ на вопрос о личной самоидентификации. Современный западный человек переживает кризис субъектности, кризис выбора собственной позиции, самого себя. Быть хозяином слова и дела для человека все больше представляется либо сложным, либо невозможным. На все это накладывается эффект многообразия, когда, казалось бы, вариантов для выбора – бесчисленное множество. Многообразным

и вариативным становится и сам субъект. Возникают новые идентичности и формы субъектности, которые все больше децентрируют и раздробляют человека как личность.

Во-вторых, интерес к проблеме субъекта связан с кризисом классического представления о субъекте («смерть субъекта»), который возник в философии постмодерна и связан с пересмотром картезианской парадигмы субъектности. Отсутствие современной теории субъекта во многом определено самим онтологическим плюрализмом неклассических представлений. Постструктуралистское мышление, наиболее остро пересматривающее проблему субъекта, ставит ей смертельный диагноз. Но умирает ли субъект? Субъект не как проект, но как реальная действующая и познавательная сила? Едва ли можно согласиться с таким смертельным положением субъекта.

Таким образом, наше исследование направлено на решение **двух проблем**: во-первых, недостаточной проработанности вопроса о понимании логики развития картезианской парадигмы субъекта, а во-вторых, недостаточного внимания к субъектности как к актуальному и необходимому атрибуту деятельности и социальной активности человека.

Объектом исследования, таким образом, является человек как субъект. Причем субъектность, как атрибутивная характеристика человека, рассмотрена в двух аспектах: во-первых, как нововременный философский проект человека, имеющий логическое развитие и завершение в постмодерне, и, во-вторых, как активность и основание для внутренней самореализации человека в его предметно-практической, когнитивной и коммуникативной деятельности.

Предмет исследования – механизм реализации человека как субъекта в эпоху постмодерна.

Целью исследования выявление характера взаимосвязи социальных практик и субъекта в процессе интернализации в условиях общества постмодерна.

Реализация цели осуществляется за счет решения следующих исследовательских **задач**:

1) Историко-философский анализ картезианской парадигмы субъекта и соответствующего кризиса, развернувшегося в истории философии в XIX и XX вв. в связи с критикой картезианской субъективности;

2) Выявление теоретических оснований взаимосвязи социальной структуры и субъекта в постмодерном обществе;

3) Определение механизма (механизмов) формирования субъектности в постмодерне;

4) Обнаружение и исследование интернализационных процессов постмодерной практики реализации субъекта.

Теоретико-методологический базис. В процессе реализации намеченных задач были использованы как социально-философские методы, включая метод диалектики абстрактного и конкретного, логического и исторического; так и общенаучные методы, а именно: анализ и синтез, сравнение и аналогия, описание и моделирование. Многообразие применяемых методов позволило максимально систематизировать и проанализировать материал. Теоретический базис исследования представляет собой интеграцию двух крупнейших направлений XX в. – психоанализа и структурализма, причем рассматриваются не только фундаментальные труды представителей этих направлений – З. Фрейда и К. Леви-Стросса, но и работы их методологических последователей – К. Юнга, А. Адлера, К. Хорни, Ж. Лакана (в развитии психоанализа как неофрейдизма), М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Бодрийера (в развитии структурализма как постструктурализма). Именно эти два направления являются наиболее подходящими для исследования заявленного нами предмета. С психоанализа, собственно, и начинается рассмотрение механизма конструирования личности и идентичности человека. Со структурализма начинается исследование влияния структур, практик и властных механизмов на субъект, которое логически продолжается в постструктурализме.

Состояние изученности проблемы. Изучение субъекта как объекта и предмета социальной реальности является достаточно мощной интеллектуальной традицией в истории западной мысли. Его критическое

осмысление начинается в работах К. Маркса, который оказывает большое влияние на разработку несубстанционального понимания человека как субъекта; а также в трудах А. Шопенгауэра, открывающего подлинный смысл свободы и субъектности человека в иррациональной и безрассудной воле и в трудах Ф. Ницше, предрекавшего декаданс современного общества и упадок субъектности.

С этим упадком и кризисом субъектности не могли не бороться мощные интеллектуальные силы начала XX века. Проект реставрации субъекта предлагали представители экзистенциализма (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр), франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм, Г. Маркузе).

Особый статус субъект приобрел в психоаналитической теории и практике. З. Фрейд переосмысливает рациональность субъекта с точки зрения бессознательного как властного механизма, определяющего человека в его активности и деятельности. Властные механизмы и их влияние на субъект являются важным предметом рассмотрения философии второй половины XX века (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, М. Фуко). Однако сам механизм воздействия власти на субъект и ее психические формы ускользают из поля зрения как у постструктуралистов, так и у ортодоксальных психоаналитиков (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, К. Хорни). Поэтому возникает объективная необходимость рассмотрения механизмов соотношения властных процессов и человека, выявление различных форм воздействия власти на субъект.

Современная теория также не остается в стороне от проблемы субъекта. Переосмыслением постмодерного проекта субъекта с точки зрения психоаналитической теории занимается С. Жижек, с точки зрения марксизма и идеологии – Ф. Джеймисон, с точки зрения семиотики и лингвистики – Ю. Кристева; властные аспекты взаимоотношения субъекта и общества исследует Дж. Батлер, онтологические основы постмодерного проекта делает предметом своего изучения Й. Реев. Немало и отечественных трудов по проблемам постмодерна. Общими аспектами исследования теоретического

проблемного поля постмодерна занимаются В. Кутырёв, А. Огурцов, Н. Терещенко, Т. Шатунова; кризис современных и постмодерных проектов субъекта разрабатывают Т. Рябушкина, А. Лебедев, Э. Тайсина, К. Кондратьев; впервые проблему субъекции в перспективе субъективности ставит Е. Краснухина.

Несмотря на то, что степень изученности постмодерна в целом достаточно высока, многие аспекты, касающиеся постмодерной идентичности и идентификации, механизма формирования постмодерной субъектности, требуют детального и основательного теоретического осмысления. Изучение взаимосвязи социальных практик и субъекта в постмодерне не получило до сих пор подробного освещения ни в российских, ни в зарубежных работах.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. В результате анализа картезианской парадигмы субъекта и ее историко-философской критики XIX-XX вв. выделены в качестве теоретических оснований взаимосвязи социальной структуры и субъекта диспозитив и субъекция, интериоризация и интернализация, онтологическая нехватка и пустота, символическая и воображаемая идентификации, лингвистическая возможность деятельного самоосуществления в форме *objet petit a*.

2. Впервые осуществлена философская экспликация феномена интернализации, принципиально отличающегося от феномена интериоризации. Если под интериоризацией понимается рациональный процесс формирования субъектности и субъектных качеств человека посредством осознания, усвоения и воспроизводства внешнего воздействия социальных структур, то интернализация – это бессознательный процесс формирования субъектности посредством безусловного принятия, усвоения и воспроизводства внешнего воздействия социальных структур.

3. Определено, что механизм формирования субъектности в обществе постмодерна состоит во внешнем воздействии властных практик на внутреннее содержание мышления, если речь идет об интериоризации, и на психическое желание, если речь идет об интернализации.

4. Разработан новый подход к пониманию фукинианского феномена «субъекция». В отличие от М. Фуко, который понимает субъекцию как внешнюю и внутреннюю зависимость человека от власти, предлагается рассматривать ее еще и как механизм властного воздействия социальных практик на человека, включающий в себя интериоризационное или интернализационное проникновение данных практик в сознание, их условное или безусловное присвоение и воспроизводство в виде тех или иных субъектных качеств.

5. Предложено различать интериоризацию и интернализацию в качестве бинарной структуры субъекции; в качестве двух уровней интернализации выделены психический и символический уровни; в качестве бинарных элементов идентификации рассмотрены символическая и воображаемая идентичность.

6. В работе проанализированы субъект потребления, субъект гендерных отношений и невротический субъект и установлено, что интернализация выступает атрибутивным качеством их общественного производства и воспроизводства.

7. Установлено, что невротизация имеет как минимум две исторические формы. Выявлено, что если в начале XX в. неспособность «Я» поддерживать баланс между «Сверх-я» и «Оно» был связан с доминированием «Сверх-я» в структуре личности, то уже к середине XX в. эта неспособность определяется доминированием «Оно».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Критика картезианской парадигмы субъекта, развернувшаяся в истории философии в конце XIX в. и продолжавшаяся на протяжении всего XX в., может быть определена с позиции двух разрывов с картезианской субъективностью – онтологического и гносеологического. Онтологический разрыв, который мы связываем, с одной стороны, с представителями франкфуртской школы, а с другой – с представителями философии жизни и экзистенциализма, – показал несостоятельность картезианской парадигмы в

вопросах социального статуса субъекта, возвышения гносеологического модуса, нивелирования антропологических качеств человека, автономности и самостоятельности субъекта. Гносеологический разрыв, связанный с философией постструктурализма, является гносеологическим переворачиванием картезианской парадигмы. Гносеологическая аннигиляция субъекта, наблюдаемая в историческом осуществлении проектов субъекта, приводит теоретиков постмодерна к формулированию идеи «смерти субъекта», имеющей скорее логическое, нежели онтологическое значение, введенное для определения социальной ситуации невозможности осуществления картезианской программы субъектности.

2. Механизм формирования субъектности репрессивен и может быть обозначен как субъекция. Субъекция – это дискурсивный акт имплантации власти вовнутрь, которую человек не наблюдает, не осознает и не контролирует сам, но которая, парадоксальным образом, дает начало его субъектности, поддерживает ее. Можно выделить две формы субъекции: интериоризация и интернализация. Интериоризация – рациональный процесс формирования субъектности и субъектных качеств человека посредством осознания, усвоения и воспроизводства внешнего воздействия социальных структур. Интернализация – бессознательный, основанный на удовлетворении желаний и чувств человека, процесс формирования субъектности посредством безусловного принятия, усвоения и воспроизводства внешнего воздействия социальных структур. Интернализация как бессознательный процесс может быть рассмотрена с двух позиций – с точки зрения коллективного бессознательного и индивидуального бессознательного. В соответствии с этим можно выделить два уровня интернализации: психический и символический. Психический уровень – актуализация субъектности в ходе реализации защитных механизмов избавления от конфликта между интериоризованными социальными нормами и бессознательными влечениями индивида. Символический уровень – актуализация субъектности в ходе реализации конфликта между травматичными социальными структурами, институтами и

практиками общества и социально-приобретенными бессознательными желаниями индивида.

3. Субъекция как форма власти задает координаты субъектности: символическую и воображаемую идентификации. Символическая идентификация субъекта – это интернализированная внешняя социальная практика, навязываемая различными дискурсами и маркируемая человеком как априорная сущность. Воображаемая идентификация вторична, она осуществляется самим субъектом на основе символической идентификации и выражает скрытые интернализированные формы желаний субъекта. Можно выделить несколько типов воображаемой идентификации: воспроизводство Символического и фрустрация Символического. Воспроизводство Символического представляет собой принятие социальных норм: человек воспроизводит модели поведения, приемлемые для общества. Фрустрация Символического как отказ от принятия социальных норм может проявляться в форме неполного отказа, т.е. воспроизведения аномальных форм Символического, и в форме полного отказа от принятия Символического.

4. Субъект не тождественен индивиду, но занимает его место во время непосредственной активности. Субъект и субъектность, которые, так или иначе, осознаются каждым человеком, в тот же самый момент не существуют до акта своей реализации, не существуют как нечто априорное и устойчивое в комплексе его врожденных психических характеристик. Являясь лингвистическим способом бытия индивида, моментом в формировании «Я», субъект оказывается негарантированной переменной, которая может осуществиться, а может и нет. Субъект находится в ситуации «всегда может быть», т.е. фиксируется и определяется только тогда, когда осознан и удержан в языке. Субъект, таким образом, – это лингвистическая возможность для индивида актуализировать самого себя.

5. Анализ социальной практики наслаждения показывает ее важность и необходимость в качестве условия и возможности интернализации. Интренализация, как репрессивный и безусловный процесс становления

субъекта, реализуется за счет потребности субъекта в наслаждении, в удовлетворении некоторого внутреннего желания в опредмечивании и актуализации. Практика наслаждения связана с получением инверсивного способа удовлетворения, так называемого прибавочного наслаждения, которое становится предметом потребления. Способом реализации практики наслаждения в обществе постмодерна становятся делезовские машины желания и возникающий, в связи с этим, субъект потребления. Такой субъект перестает быть производителем и создателем своей жизни, становясь органом наслаждения, потребителем готовых вещей и идей, объектом внешних структур и механизмов.

6. Человек может быть определен как субъект гендерных отношений. Субъект гендерных отношений – это результат конструирования идентичности посредством интернализации социальной практики сексуальности. Субъект гендерных отношений может быть рассмотрен с позиций символической и воображаемой идентификаций. Символической идентификацией является пол. Пол – это социальный продукт, результат гендерной десигнации, т.е. тотального, бинарного и безальтернативного связывания категорий «мужчина» и «женщина» с теми или иными проявлениями полового диморфизма. Воображаемой идентификацией является гендер. Гендер – это результат символизации символического, т.е. реализация символических моделей воспроизводства социальных отношений в человеке, обладающего полом. На сегодняшний день теоретически могут быть определены две символические модели воспроизводства субъекта гендерных отношений. Первая из них – модель асимметричности маскулинного и фемининного. Вторая модель может быть обозначена как гендерная симметрия.

7. Невротический субъект представляет собой систему смещенных подструктур личности («Сверх-я», «Я», «Оно») и может быть рассмотрен сквозь призму субъекции. Интериоризация – процесс формирования «Сверх-я». Нормы, правила, окружающие человека, интериоризируются, становясь внутренними координаторами и ограничителями субъектности.

Интернализация – процесс формирования «Я», медиатора между бессознательными влечениями и сознательными интериоризированными установками. Именно «Я» обеспечивает баланс между «Сверх-я» и «Оно». Несбалансированность определяет невротического субъекта, причем если в начале XX века определяющим был вариант развития субъекта, когда «Сверх-я» подавляет «Оно», то к концу XX века ситуация меняется кардинальным образом: «Оно» начинает доминировать и замещать «Сверх-я», не встречая никаких ограничений и пределов. Переход от невротизации «Сверх-я» к невротизации «Оно» обусловлен, с одной стороны, нивелированием многих ценностей и запретов (демократизацией общества), а, с другой стороны, глобальными трансформационными процессами, происходящими в современном обществе, такими, как обреченность и катастрофичность бытия, парадоксальная темпоральность и тотальная прагматизация.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена актуальностью темы исследования. Работа открывает проблемный и антиномичный механизм формирования человека как субъекта и актора своего бытия в обществе желаний и удовольствий, что, несомненно, способствует более глубокому пониманию роли человека в современном обществе и роли современного общества в человеке. Особенно актуально использование результатов исследования в разработке и экспертизе нормативных и правовых актов, а также в социальном проектировании, т.е. в разработке и создании институтов и практик, актуализирующих ту или иную, необходимую обществу, субъектность.

Основные положения и результаты исследования могут быть полезны при подготовке учебных пособий, методических разработок, материалов лекций и семинаров по учебным дисциплинам «Социальная философия», «Философская антропология», «История зарубежной философии».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждены на заседании кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского

(Приволжского) федерального университета. Отдельные аспекты работы были вынесены для обсуждения в докладах на Всероссийской молодежной научной конференции «Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: из опыта молодежных исследований (Инновации в современном обществе)» (Йошкар-Ола, 2012), XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2013), Международной студенческой научно-образовательной конференции «Религия и образование» (Казань, 2013), I Всероссийской научно-практической конференции с элементами школы для молодых исследователей «Гуманитарные науки в условиях социокультурной трансформации: *theoria cum praxis*» (Пермь, 2013), Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «VI Камские чтения» (Набережные Челны, 2014), Международной конференции «Социальные и гуманитарные науки в интердисциплинарном контексте» (Чехия г. Прага, 2014), 53-ой Международной научной студенческой конференции «МНСК-2015» (Новосибирск, 2015), XVIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Человек в Мире. Мир в Человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии» (Пермь, 2015), Международной научно-практической конференции «Призраки идей и фантомы реальности: III Садыковские чтения» (Казань, 2015), Международной конференции «Мишель Фуко: субъект настоящего» (Москва, 2016) и других.

По теме диссертации опубликовано 17 научных работ, 4 из которых в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней докторов и кандидатов наук.

Структура работы. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, каждая из которых включает в себя три параграфа, заключения, списка литературы. Общий объем диссертации – 152 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

I глава **«Кризис субъекта: онтологический и гносеологический разрыв»** посвящена историко-философскому анализу развития философского дискурса о субъекте. В этой главе рассматривается картезианская субъективность и ее трансформации в конце XIX – начале XX веков (философия жизни, экзистенциализм и франкфуртская школа) и в середине XX века (постструктурализм).

В первом параграфе **«Основания для кризиса картезианской парадигмы субъекта»** рассматривается картезианская субъективность, понимаемая как комплекс теорий нововременной философии, связанных с рационалистическим пониманием субъекта. Анализ основных положений учения Р. Декарта и работ его методологических последователей в лице Б. Спинозы, Г. Лейбница, И. Канта и Г. Гегеля позволил определить концептуальные основания для той критики картезианского субъекта, которая развернулась в истории философии в конце XIX и продолжалась на протяжении всего XX века. Эти основания включают в себя следующие положения:

- картезианское признание взаимодействия разумного и телесного, их недифференцированности, аргументы в пользу опровержения явного дуализма привели к пересмотру и реабилитации проблемы тела, формированию научной психологии и возникновению философии желания;

- проблема понимания картезианского субъекта, связанная с «парадоксом референции», а также гегелевская идея экспансивного и отчуждающего воздействия реальности на несчастное сознание привели к возникновению проблемы властной, репрессивной природы реализации субъекта;

- декартовское утверждение о существовании пассивного субъекта, а также признание несвободы и детерминированности субъекта социального действия привело к признанию онтологической несамостоятельности субъекта и такому его пониманию, согласно которому субъект может быть объектом социального манипулирования – «неполным субъектом»;

- лейбницианское различие перцепций и апперцепций привело впервые к формулировке проблемы бессознательного, а также к постановке методологической задачи поисков инструментов анализа неосознаваемых и бессознательных процессов внутри субъекта;

- признание возможности логической нецелостности и противоречивости отдельных компонентов внутреннего содержания «Я», а также симптом разделения субъекта у И. Канта на несколько логических функций привели к возникновению идеи децентрации субъекта, а также к отрицанию его полного единства и целостности;

- идея несчастного сознания, а также сама необходимость утверждения субъекта в качестве проводника и инструмента Абсолюта привели к возникновению проблемы большого Другого и появлению психоаналитической онтологии (Реальное-Символическое-Воображаемое).

В параграфе делается вывод о том, что эти основания, так или иначе, осмыслялись самими нововременными философами и являлись методологической опорой для дальнейшего пересмотра картезианской субъективности.

Второй параграф **«Онтологический поворот в философии как первый разрыв с картезианской парадигмой субъекта»** посвящен онтологическому пересмотру картезианской субъективности, осуществленному благодаря критической онтологии франкфуртской школы, а также философии жизни и экзистенциализму. Целью этого пересмотра стало конструирование гуманистической онтологии, связанной с человеком, его активностью и деятельностью. Определено, что в концепции франкфуртской школы субъект перестает быть автономным и обособленным, становится онтологически включенным во всю совокупность общественных отношений. Выявлено, что онтологический разрыв в философии жизни и экзистенциализме связан с критикой картезианской субъективности за излишний гносеологизм и возвращением к жизненным и экзистенциальным аспектам человеческого бытия.

В работе был сделан вывод, что данный разрыв потерпел неудачу. Оценка меры человеческого присутствия в бытии как субъекта показала несостоятельность и негарантированность этого присутствия: несубстанциальность и опосредованность субъекта, отчуждение и заброшенность человека, бесчеловечность и декаданс социальной реальности. Все антропологические надежды были разрушены, а идеи о том, что у человека есть особая человеческая природа и сущность, привели к тому, что человек как реальный субъект общественной жизни оказался выброшен из социальной практики, стал ее объектом. Метафизика субъектности сменилась гимном десубъективации: человек перестал занимать привилегированное значение и уступил место субъекта обстоятельствам, бессознательному, капиталу или языку.

В третьем параграфе **«Смерть субъекта» в постмодерне как гносеологический разрыв с картезианской парадигмой субъекта** идея влияния социальных практик на субъект была доведена до своего логического завершения в рамках гносеологического разрыва. Лингвистический поворот XX века ознаменовал появление «знакового субъекта» как результата и факта «эпистемного сдвига». На основании идей М. Фуко и Ж. Бодрийяра были эксплицированы три проекта субъекта – ренессансный, классический и современный.

Показано, что задача ренессансного проекта состояла в том, чтобы сформировать в человеке способность быть субъектом. Благодаря осознанию уникальности и самобытности природы человека происходила постепенная экспликация субъектности. Главный итог проекта связан с возвращением человеку господства над самим собой.

Обозначены основные характеристики классического проекта: человек как абсолютный субъект, целостность самоидентификации, универсализация и типизация субъектности.

Современный проект в работе связан с инфляцией субъекта. Неклассическая модель человека как субъекта рассматривается как

поливариативная и децентрированная, где «Я» является лишь набором случайных идентификаций.

Таким образом, делается вывод, что в постструктурализме происходит гносеологический разрыв двух предельно противоположных модальностей субъекта – классической и современной, а доведение до конца логики десубъективации приводит к формулированию идеи смерти субъекта, имеющей скорее логическое, нежели онтологическое значение, введенное для определения некой социальной ситуации невозможности осуществления классического проекта субъективности.

Глава II **«Механизмы конструирования постмодерного субъекта»** посвящена исследованию способов и инструментов реализации человека как субъекта в постмодерне, его идентификационных и лингвистических особенностей.

В первом параграфе **«Субъект, который есть: субъекция и интернализация»** рассмотрены субъекция и диспозитив, интернализация и интериоризация как необходимые элементы механизма конструирования субъектности. Выявлено, что субъекция есть дискурсивный акт имплантации власти в человека в процессе взаимодействия с теми или иными внешними структурами, которая дает начало его субъектности или каких-то отдельных субъектных качеств.

Выделены две формы субъекции: интериоризация и интернализация. В работе рассмотрены примеры интериоризационных процессов, описанных М. Фуко при изучении становления модерна субъекта и таких социальных практик, как исповедание, тюремное наказание, изоляция безумия, семья, наука, образование.

Теоретический анализ различных социогуманитарных подходов к оценке формирования внутренних структур психики позволил разделить интернализацию от интериоризации. Интериоризация – рациональный и осознаваемый процесс формирования субъектности и субъектных качеств человека посредством усвоения внешних, доминирующих по отношению к

нему структур. Интернализация – бессознательный, основанный на удовлетворении желаний и чувств человека, процесс формирования субъектности посредством безусловного принятия, усвоения и воспроизводства внешних, доминирующих по отношению к нему структур.

На наш взгляд, интериоризация доминировала в эпоху модерна. Рациональный субъект конструировался потребностями самого капиталистического общества: осознанность и самодисциплина, умение принимать решения и брать ответственность за них были основными факторами формирования класса предпринимателей. Однако в эпоху постмодерна доминирующей становится интернализация. Рациональное уступает место иррациональному. Исчезает четкое противопоставление труда и отдыха, работы и праздника, а демонстрация удовольствия становится обязательной и непрерывной.

В связи с тем, что интернализация является бессознательным процессом, она была рассмотрена с двух позиций – с точки зрения коллективного бессознательного и индивидуального бессознательного. В соответствии с этим мы выделили два уровня интернализации: психический и символический. Психический уровень – глубинный процесс формирования «Я» как защитного механизма между «Сверх-Я» и «Оно». Символический уровень – актуализация разного рода субъектных качеств в общественных отношениях.

В конце параграфа сделан вывод, что социальный субъект должен быть рассмотрен с позиции того диспозитива, той реальной социальной практики людей, которая существует на данный момент и которая определяет его (социального субъекта) как действующее лицо.

Во втором параграфе **«Субъект, которого нет: символическая и воображаемая идентификации»** определен онтологический аспект механизма конструирования субъектности в постмодерне. Выявлено, что целостность «Я» не является чем-то устойчивым, априорным и реальным. Субъект обозначен как нехватка, вечный поиск означающего, которое бы приблизило его к онтологической полноте бытия.

Эксплицирован концепт «возвышенное тело», определяемый нами как метафизическая целостность субъекта, то, что обеспечивает целостное психофизическое восприятие себя как личности и субъекта.

Обозначены идентификационные особенности субъекта, связанные со становлением в нем символического и воображаемого уровней идентичности. Символическая идентификация субъекта – это интернализованная внешняя социальная практика, она навязывается различными социальными практиками и дискурсами и маркируется человеком как априорная сущность. Воображаемая идентификация вторична, осуществляется самим субъектом на основе символической идентификации и выражает скрытые формы желаний субъекта.

Выделено несколько типов воображаемой идентификации: воспроизводство Символического и фрустрация Символического. Воспроизводство Символического – это самый распространенный тип идентификации, в которой человек воспроизводит модели, приемлемые для общества. Фрустрация Символического, т.е. своеобразный отказ от принятия социальных норм, может проявляться в двух формах: в форме неполного отказа, т.е. воспроизведения аномальных форм Символического и в форме полного отказа от принятия Символического.

Сформулирован вывод о характере и значении идентичности в процессе формирования субъекта. Идентичность упрощает субъекта, делает его исчисляемым и классифицируемым. Однако только эта идентификация и является основанием для самоутверждения и возможности онтологического существования, пусть и в искаженной, превращенной форме. Субъекция, т.е. процесс символического и воображаемого приобщения к большому Другому – есть необходимый процесс становления человека как социального существа.

В третьем параграфе «Субъект, который может быть: лингвистическое конструирование» рассмотрен гносеологический аспект

механизма конструирования субъектности в постмодерне, выраженный в репрессивном производстве субъекта посредством лингвистических средств.

Проанализированы интерпелляция (Л. Альтюссер), практика «говорящего субъекта» (Ю. Кристевой), теория перформативности (Дж. Батлер). На основании этих концепций выявлены следующие характеристики лингвистического осуществления субъекта:

1. Репрессивность по отношению к субъекту. Несмотря на то, что именно индивид является носителем языка, и, как кажется на первый взгляд, именно он управляет этим языковым процессом означивания, на самом деле язык управляет им, а, точнее, различные социальные структуры посредством языка управляют индивидом.

2. Амбивалентность конструирования. Признание самого себя в качестве субъекта предопределяет возможность осознания и самоосуществления. Однако именно это признание означает подчинение той системе общественных отношений, которая существует в обществе на данный момент. Производство субъекта связано с принятием языкового воздействия и его воспроизводством.

3. Децентрация и расщепление субъекта. Лингвистическое конструирование, которое, казалось бы, на первый взгляд, должно структурировать субъекта, на самом деле приводит к расщеплению и растворению субъекта в многочисленных речевых практиках. Растворяясь, реальная субъектность изменяется или заменяется квазисубъектностями в виде различных идентификаций и проявлений «Я».

В заключении выдвигается тезис о том, что субъект – это лингвистический способ бытия индивида, момент в формировании «Я», переменная, которая может осуществиться потенциально, но не всегда реально. Субъект находится в ситуации «всегда может быть», т.е. фиксируется и определяется только тогда, когда осознан и удержан в языке.

Глава III «Потребление, гендер и невроз как постмодерные практики интернализации» посвящена подробному изучению особенностей интернализационных процессов в постмодерне. В качестве наиболее

концептуальных рассмотрены практика наслаждения, сексуальная и невротическая практики.

В первом параграфе **«Человек как субъект потребления»** рассмотрена практика наслаждения, связанная с утверждением в обществе инверсивного способа удовольствия, так называемого прибавочного наслаждения, которое и становится предметом потребления.

Проанализировав различные подходы к определению наслаждения, удовольствия и желания, мы пришли к выводу, что интернализация, как репрессивный и безусловный процесс становления субъекта, реализуется за счет потребности субъекта в наслаждении, в удовлетворении некоторого внутреннего желания в самоопредмечивании и актуализации. Способом реализации практики наслаждения в обществе постмодерна становятся делезовские машины желания и возникающий, в связи с этим, субъект потребления. Такой субъект перестает быть производителем и создателем своей жизни, становясь органом наслаждения, потребителем готовых вещей и идей, объектом внешних структур и механизмов.

В качестве важного примера практики наслаждения рассмотрен феномен сексуального фетишизма, в котором сексуальность становится формой прибавочного наслаждения и воспринимается как естественное средство продуцирования определенных общественных отношений.

В качестве заключения сделан вывод об отчуждающей функции данной практики: машины желания становятся «зонами сверхэксплуатации» человека. Получение избыточного наслаждения связано не с удовлетворением, а с порождением новых желаний, которые мощнее и сильнее предыдущих.

Второй параграф **«Человек как субъект гендерных отношений»** связан с обсуждением практики сексуальности, под которой понимается система общественных дискурсов, направленная на конструирование субъекта гендерных отношений. В данном смысле гендерная и поло-ролевая идентичности предстают как результат интернализации социальной практики сексуальности и рассматриваются в контексте проблемы субъекции.

В качестве основания субъекта гендерных отношений рассматривается символическая идентификация. Символической идентификацией является пол. Пол – это определенный социальный продукт, результат гендерной десигнации, т.е. тотального, бинарного и безальтернативного связывания категорий «мужчина» и «женщина» с теми или иными проявлениями полового диморфизма. Индивидуализируют субъект гендерных отношений воображаемые идентификации. Воображаемой идентификацией является гендер. Гендер – это результат символизации символического, т.е. реализация символических моделей воспроизводства социальных отношений в человеке, обладающим полом.

Определены две символические модели воспроизводства субъекта гендерных отношений. Первая из них – модель асимметричности маскулинного и фемининного. Исходя из данной символической модели, можно говорить о существовании двух воображаемых идентичностей: фемининной и маскулинной. Вторая модель может быть обозначена как гендерная симметрия, выраженная в андрогинности как в способе идентификации. Любая из этих форм воспроизводства оказывается для индивида скрытой и наблюдаема лишь настолько, насколько выражены те или иные личностные характеристики и черты маскулинности и фемининности. Результатом этого воспроизводства символического являются конкретные мужчины и женщины с определенным соотношением этих черт.

В третьем параграфе «**Человек как невротический субъект**» описаны основные характеристики невротической личности. Представлены разные психоаналитические подходы к феномену невротизации. Установлено, что именно детство является синзетивным периодом развития неврозов. Определено, что невротическая личность – это личность, где «Я» не способно выполнить свою медиативную задачу защиты от травматического опыта, это личность, лишенная целостности и гармоничности, человек, ищущий самореализации в объектах и актах желания.

В работе невротизация рассмотрена сквозь призму проблемы субъекции, ее формирование связано с интериоризационными и интернализационными процессами. Интериоризация, в данном случае, – это процесс формирования «Сверх-я». Нормы, правила, окружающие ребенка, интериоризируются, становясь внутренними координаторами и ограничителями субъектности. Интернализация – это процесс формирования внутреннего содержания «Оно», а также формирования «Я» как некоего медиативного посредника между бессознательными влечениями и сознательными интериоризированными установками.

Показано, что несбалансированность определяет невротического субъекта, причем если в начале XX века определяющим был вариант развития субъекта, когда «Сверх-я» подавляет «Оно», то к концу XX века ситуация меняется кардинальным образом: «Оно» начинает доминировать и замещать «Сверх-я», не встречая никаких ограничений и пределов. Переход от невротизации «Сверх-я» к невротизации «Оно» обусловлен, с одной стороны, нивелированием многих ценностей и запретов (демократизацией общества), а, с другой стороны, глобальными трансформационными процессами, происходящими в современном обществе, такими, как обреченность и катастрофичность бытия, парадоксальная темпоральность и тотальная прагматизация.

В заключении диссертационного исследования подведены основные итоги работы, намечены возможные перспективы последующего изучения интернализационных процессов, а также сделаны обобщающие выводы о сущности и статусе человека в постмодерне.

**Основное содержание диссертации отражено в следующих
публикациях:**

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Панкова Е. «Сексуальная революция» М. Фуко, или практика «эффективного тела» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика» №4, 2015. – С. 43-46.

2. Pankova E. Surplus enjoyment as a strategy of consumption of the postmodern subject / Lebedev A.V., Pankova E.S. // The Social Sciences, 10 (7), 2015. – p. 1764-1767.

3. Панкова Е. Кризис картезианской парадигмы субъекта как "эпистемный сдвиг" // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып.2(26). – С. 32-38.

4. Панкова Е. О субъекте наслаждения: фетишизация и проблема Другого // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. №5. – С. 31-34.

Публикации в других научных изданиях:

5. Панкова Е.С. Феномен гендера при переходе от общества модерна к обществу постмодерна / Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского университета 2012 года: сборник статей: [в 5 т.] // Мин-во образования и науки; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 155-157.

6. Панкова Е. Гуманизм: от освобождения человеческого до закрепощения человека / Гуманизм. Религия. Образование: материалы международной студенческой научно-образовательной конференции «Религия и образование» // науч. ред. Н.А. Терещенко. – Казань: Отечество, 2013. – С. 65-68.

7. Панкова Е. Конструктор идентичности: гендерный аспект / Гуманитарные науки в условиях социокультурной трансформации: theoria cum praxis: Материалы I Всеросс. науч.-практ. конф.с элементами школы для

молодых исследователей (28–30 ноября 2013 г.) // Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2013. – С. 66-70.

8. Панкова Е. Современный человек как «Homo Periculum» («Человек Рискующий») / Человек в современных социально-философских концепциях: Материалы Всероссийской студенческой и аспирантской научно-практической конференции, г. Елабуга, 29-30 ноября 2013 г., ред.кол: А.Г. Сабилов (отв. ред.) и др. // Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2013. – С. 98-99.

9. Панкова Е. О моделях субъекта: классический и неклассический вариант / «VI Камские чтения»: всероссийская научно-практическая конференция. (2014; Набережные Челны). В 3-х ч. Часть 1. Всерос. научн.-практ. конф. «VI Камские чтения», 25 апреля 2014 г. [Текст]: сб-к док. / ред. кол. С.В. Дмитриев [и др.]; под ред. д-ра техн. наук Л.А. Симоновой. – Набережные Челны: Издательско-полиграфический центр Набережночелнинского института КФУ, 2014. – С. 176-179.

10. Панкова Е. «Возвышенное тело» субъекта / Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского университета 2014 года: сборник тезисов // Мин-во образования и науки; Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – С. 44-45.

11. Панкова Е. Симулякр как превращенная форма (анализ работы Ж. Бодрийяра «Символический обмен и смерть») / Социальная жизнь как единство разнородных состояний: сборник научных трудов IV Международной теоретико-практической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Георгия Федоровича Миронова (1944-2008) - г. Ульяновск, 15-16 мая 2014 г. // под ред. Т.Н. Брысиной. – Ульяновск: УлГТУ, 2014. – С. 178-181.

12. Панкова Е. Историзация субъекта как процесс его истеризации / Сборник материалов Республиканского конкурса научных работ среди обучающихся на соискание премии им. Н.И. Лобачевского. Составитель Кудрявцева Т.В. – Казань, 2014: Издательство: Научный Издательский Дом. – С. 401-403.

13. Pankova E. Human "bodies": social and philosophical approach // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences - Vienna: "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, - № 11-12, 2014. – p. 219-223.

14. Панкова Е. "Воображаемые" идентичности: между реальным и символическим // Материалы 53-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2015: Философия, Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2015. – С. 44-45.

15. Панкова Е. "Принцип кастрации" как точка роста социального / Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии [Электронный ресурс]: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. студ., асп. и молодых ученых (29-30 октября 2015 г.) // Перм. гос. нац. исслед. ун-т. - Электрон. дан. - Пермь, 2015. – С. 98-103.

16. Панкова Е. Проблема конструирования социальности в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари "Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения"/ Призраки идей и фантомы реальности: III Садыковские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 13-14 ноября 2015 г.) // под ред. О.Г. Ивановой, А.Р. Каримова, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатуновой [Электронный ресурс]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 48-49.

17. Панкова Е. Парадокс субъекции: онтологические и лингвистические координаты субъекта / Личность и общество в современном социально-философском дискурсе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, УрФУ, 23 января 2016 г.) // отв. ред. Н.П. Цепелева. - Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 306-310.